

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в тебе
самом.
Сборник 3**

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 3

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Шансон в тебе самом. Сборник 3 / А. Манин-Уралец — «Автор»,
2026

В сборнике 3 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я не сплю, поверь	6
Мы просили	7
Не заблудись	8
Не суди	9
Просто хожу по земле	10
Говорила мне мама	11
Неизвестная участь	13
Верните лунную дорогу	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 3

Прости, но объясни

Я не приготовлен к жизни вечной,
И «Прости» последнее – вдали.
Я надеюсь, и прошу сердечно:
«Господи, от зла да избави!..»
Только если Смерть не зло, а Тризна,
Только лишь тогда прими мой стон –
Все мои «Прости!» - их больше жизни,
Ведь я в покаянии крещен!
Отношусь к другим, как и к себе же -
Не дадут соврать и мои сны.
Но когда последнее забрезжит,
Я скажу: «Прости, но объясни!..»
Отчего же, когда дух встревожен,
И ты просишь – так же полюбить,
Ты в ответ охаян, изничтожен,
Клеветой и завистью побит?!
Может, от того, что дух встревожен,
Может, от того, что гнев в крови?
Я прошу Тебя, прошу, мой Боже:
«Господи, от зла да избави!..»
Отношусь к другим, как и к себе же -
Не дадут соврать и мои сны.
Но когда последнее забрезжит,
Я скажу: «Прости, но объясни!..
Отношусь к другим, как и к себе же -
Не дадут соврать и мои сны.
Но когда последнее забрезжит,
Я скажу: «Прости, но объясни!..»
Но когда последнее забрезжит,
Я скажу: «Прости, но объясни!..»

Я не сплю, поверь

В извести веков крепчают кости,
Слышен крик людской сквозь жуткий хруст,
Заходи, будь добр, в сомненьях, в гости
Хоть Фиофилакт, хоть Златоуст!
Я, как вы, в словах своих не полон,
Хоть и не блажен, но – Божий сын,
Я в миру им, может, не опознан,
Ведь мой мир – сомнения и сны.
Может, маловерный: я не знаю
Тех, кто, не колеблясь, верит в Смерть,
Но за нею, а не в жизни с краю -
Рай Небесный; я не сплю, поверь!
В извести веков ломают кости,
Раки известковой слышен хруст.
Я спешу к Апостолам не в гости:
Не Фиофилакт, не Златоуст.
Может, маловерный: я не знаю
Тех, кто, не колеблясь, верит в Смерть,
Но за нею, а не в жизни с краю -
Рай Небесный; я не сплю, поверь!
Я не верю в Смерть Святых Пророков -
Никогда не жили на Земле,
Их святыми сделала дорога –
Где опознан Бог в блаженной мгле.
Но бессмертье им дано с рожденья.
Их костей еще не слышен хруст.
Не спешите в пропасть наважденья
Ни Фиофилакт, ни Златоуст.
Может, маловерный: я не знаю
Тех, кто, не колеблясь, верит в Смерть,
Но за нею, а не в жизни с краю -
Рай Небесный; я не сплю, поверь!
И никто, пусть даже и Святые.
Только наш Господь Един не спит.
Ведь сомненье искусом в пустыне
Бесконечность ложью осквернит;
И никто... Пусть даже и Пророки.
Только наш Спаситель прав во всем,
Где сомненья в самом недалеком
Обернутся явью, а не сном...
Может, маловерный: я не знаю
Тех, кто, не колеблясь, верит в Смерть,
Но за нею, а не в жизни с краю -
Рай Небесный; я не сплю, поверь!

Мы просили

Иногда теряем веру в Силы,
О которых вторит истин Свод,
Эхом в нем - лишь то, что мы просили
И до Свода, в мгле земных забот.
Мы просили снять бесцельность жизни,
С Небом осознать самих себя,
Чтоб в жестокой жертвенной харизме
Научиться жертвовать, любя.
Мы теперь в Любви, порой – красивые,
В жертвенной крови смывая грех,
Сколько же в Любви нездешней силы,
Что хватает сразу и на всех!
Сколько же в любви небесной воли,
Если прощена вся наша кровь!
Сколько же еще в небесном поле
Жертв не приняла Его Любовь?!
Знать не надо, сколько душ скосили
Божий гнев и Божья благодать.
Сколько еще жертв, чтобы осилить
Заповеди Свода - и принять?!..
Мы просили снять бесцельность жизни,
С Небом осознать самих себя,
Чтоб в жестокой жертвенной харизме
Научиться жертвовать, любя.
Сколько же в любви небесной воли,
Если прощена вся наша кровь!
Сколько же еще в небесном поле
Жертв не приняла Его Любовь?!
Сколько же еще в небесном поле
Жертв не приняла Его Любовь?!

Не заблудись

Проповедник, ты застиг вопросом:
Человек Христос, и он воскрес?
Я под солнцем, значит, я - с Христосом,
Ты ж сомненье сеешь в древний лес.
В трех соснах не заблудись, отшельник,
Что читаешь проповеди зря:
Не внимает ночь, упав на ельник,
Не внимает вставшая заря.
Не внимаю я сомненьям странным:
Бог – не человек, но не Отец.
Отче Наш! – мы говорим пространно, -
Укажи Причину, наконец!
Но наш Отче – он не легкомыслен –
Повелитель моря, его бурь,
Он в добре спасительно осмыслен,
Ты к добру помилосердней будь!..
Не читай ты проповедей Богу,
Правда в нем одном - всегда одна,
Истина – ступенькой на дороге,
Где за нею новая видна...
В трех соснах не заблудись, отшельник,
Что читаешь проповеди зря:
Не внимает ночь, упав на ельник,
Не внимает вставшая заря.
В жажде все познать - не суйся к люду:
«Истина одна? И - только в Нем?..»
Бог безлик, но Истина – повсюду,
Осиянна солнечным огнем.
Не пытай же Господа напрасно –
Каждое сомненье – только боль.
Бог – Любовь, та истина – прекрасна,
Но среди других ей быть позволь!
В трех соснах не заблудись, отшельник,
Что читаешь проповеди зря:
Не внимает ночь, упав на ельник,
Не внимает вставшая заря.
Не пытай же Господа напрасно –
Каждое сомненье – только боль.
Бог – Любовь, та истина – прекрасна,
Но среди других ей быть позволь!

Не суди

Не суди, не будешь и осужден?
Как сказать... Всё - Тайны Бытия.
Я - в себе, но я не обнаружил,
В чем там Он, а в чем лишь только Я.
Не суди, и осужден не будешь
До поры. В том не уверен я:
Бог – во мне, и, значит, не осудишь
Нашу с Богом Тайну Бытия?..
Тайны не открыть без воли Божьей,
Даже гениальный лоб Земли
Не достигнет Тайны той подножья,
Незаметной фракцией в пыли.
Прах земной – не только в распаденье,
Полюса Земные – верх и дно -
Также в равнодушии растленья -
Что есть жизнь и смерть – им все равно.
Не суди, и осужден не будешь
До поры. В том не уверен я:
Бог – во мне, и, значит, не осудишь
Попранную Тайну Бытия?..
Будет воля Высшей круговерти:
Жизни нет, и Тайна – впереди,
Все мгновенно станет только смертью,
И застынут звездные дожди.
Но вздохнет устало, с укоризной
Тайна Вех в Неведомо Куда -
Постепенно смерть вернется к жизни,
Чтоб дожидаться нового суда.
Не суди, и осужден не будешь
До поры. В том не уверен я:
Бог – во мне, и, значит, не осудишь
Нашу с Богом Тайну Бытия?..
Не суди, и осужден не будешь
До поры. В том не уверен я:
Бог – во мне, и, значит, не осудишь
Попранную Тайну Бытия?..
Не суди, и осужден не будешь
До поры. В том не уверен я...

Просто хожу по земле

И Христос не всех тайн причастился,
Когда просто ходил по земле,
Потому я без Веры учился
Сорняк ржавый, подверженный тле.
Но я не рассчитал своих склонностей
Не учел, что не свят, - хулиган:
Что я влюбчив, и мне этих вольностей
Впереди не моря – океан!
Но Свидетелем Истины, Богом
Стал Учитель, и прав стал во всем.
И я в Вере стал Богу угодным -
Не сорняк – а с христовым крестом.
Но я лишь не учел свойств характера,
Не могу я отвергнуть любви,
Что в стерне моей плугом от рактора –
Полосует в душе до крови.
И кто тщетно к бессмертью стучался,
Кого ела нещадная ржа,
Не боясь умирать, причащался -
Воскресала в бессмертье душа.
Но мне стала тяжелою исповедь,
Ведь мой дух постоянно влюблен,
Как могу на посмешище выставить
Тех, кто нежно вошел в яркий сон?
И Христос креп в Бессмертном Эфире,
Обреталась отжившая рать,
Но, отжив на Земле, в том Замирье
Стало страшно с Христом умирать.
Не учел я того, что не праведник,
А лишь просто подобье Христа,
В ком любви – что и космосу завидно,
От того мне в любви – маята...

Говорила мне мама

Я не знаю всего. Лишь догадки.
Неудобным боюсь быть лгуном.
И пока я живу, словно в прятках –
С каждым словом своим – за углом.
Не велела любить в детстве мама,
Говорила, что рано, сынок,
Но давила любви панорама,
И друзья мне давали урок.
Не всех тайн причастился я, знаю,
Не удобным я в чем-то живу,
И я с верой, но тля - не летаю,
Объедая седую траву.
И в траве той являюсь животным -
Муравьям раздаю молоко,
С черной завистью к тле беззаботной
Без молочных сосков, далеко.
Говорила мне мама: сыночек,
Станешь взрослым, познаешь любовь,
А пока на тебе, вот, замочек
От квартиры в дали золотой.
Как же можно в бессмертном Замирье,
Не даря ничего никому,
Жить безбедно в шикарной квартире
И с Христом?! Я никак не пойму.
Не всех тайн причастился я, знаю,
Не удобным я в чем-то живу,
И я с верой, но тля - не летаю,
Объедая седую траву.
И в траве той являюсь животным -
Муравьям раздаю молоко,
С черной завистью к тле беззаботной
Без молочных сосков, далеко.
Кто-то кормит ребеночка грудью,
И он мог быть созданием моим,
И свою я б продолжил породу,
Не трубил бы еще Серафим.
Говорила мне мама, не надо,
Не спеши полюбить, мой сынок,
И теперь я, возможно, потрава,
Хоть и брызжу молочный я сок,
И теперь я, возможно, потрава,
Хоть и брызжу молочный я сок,
Не суди философа
Вся оцерковленная, и в платке по грудь,
Только, что ты женщина также не забудь,
Я согласен в истинном – все Его Любовь,

Но и ты терпения в жизни приготовь!
Путь пройти по-Божески – значит, полюбить,
Ну, а с философией, - Богу пособить,
Нам не рассмешить Его правдою в любви,
Все он знает наперед, душу ты не рви!
В Благовествовании жизнь и чудеса...
Это жизнь в скитаниях, это – Небеса,
Это от язычества – к вечной жизни путь!..
Что ж котенком тычешься в маменькину грудь?
Иустин-Философ тут, Трифон-Иудей,
Все разглашено вокруг, вплоть до Галилей:
Ересь беззаконная, бога не боясь
Казнена и схована - в Небо вознеслась...
Ересь беззаконная, бога не боясь
Казнена и схована - в Небо вознеслась...
Ты вся оцерквленная, не читаешь книг,
Вера с философией – я согласен, - пшик!
Каждое в отдельности – может и прожить,
Ну, а в единении – Бога лишь смешить.
Я смешон, что в Божеской не хожу крови?
Но и ты смешна во мне, в клятвах без любви.
Воссоединиться бы разным сторонам:
Вере с философией – будет проще нам!
В Благовествовании жизнь и чудеса...
Это жизнь в скитаниях, это – Небеса,
Это от язычества – к вечной жизни путь!..
Что ж котенком тычешься в маменькину грудь?
Ты спроси философа: знает - не соврет?
Трифон с тихим голосом – от стыда умрет?
Не суди философа, не суди народ,
Правда – тоньше волоса, Истин – целый Свод,
Не суди философа, не суди народ,
Правда – тоньше волоса, Истин – целый Свод.

Неизвестная участь

Никогда не могло и присниться,
Что отвергнут я буду и зол,
Над вулканом страстей пепелится
То, что скроет в любви зелень дол.
И теперь приготовься к обману,-
Не смогла остеречь тебя мать, -
Что достанешься ты хулигану,
С его участью станешь стяжать.
Неизвестна ничья в жизни участь,
Льются ржавые реки в ручьи,
В чистый дол - чтоб до срока измучить.
Неизвестны страдания ничьи.
В головах темный зависти пропасть,
А над ними чадит адский смрад,
Ну, а в душах смертельная копоть,
А в любви – горы страшных преград.
Я тебя взял любви на замену,
Но в истошный попал любви плен,
Что ж такое творится на сцене,
Этой жизни, где хуже – взамен!
Есть ли манная участь и слины,
И придут ли густые ветра,
Чтоб рассеять над сопкой долины,
И душе дать покой до утра?!Все в дыхании огненным перцем,
Давит столб углеродный в висках,
Ничья участь не трогает сердца,
И ни в чьих она, участь, руках.
Опускается мантия Неба,
Ей навстречу дубиной вулкан,
И нигде нет ни манны, ни хлеба
Ничьего в бесконечных веках.
Не ищу ни любви, ни замены,
Утешенья уже не прошу,
Но любви прошу обыкновенной,
А не этой – я в ней чуть дышу.
Пусть подавятся в зависти звери,
Что стяжают страдания дол,
Никогда я не мог и поверить,
Что отвергнут я буду и зол.
Лишь утешит одно, Слава Небу -
Что в долину я ржой не паду:
Как вольюсь во вкус черного хлеба, -
Захлебнутся слюною в аду.
Неизвестная ничья в жизни участь,
И не участь не в жизни ничья,

Мне бы мутной тоской не замучить
И ни рек, и ни капли ручья,
И ни рек, и ни капли ручья.
Жутко от объяснений
То ли свет, то ли тень мне не внять,
То ли счастлив я, а то ли напуган,
Мне с рассветом приятно вставать,
А как ночь – весь тенями наструган.
Обступают, идя от меня,
Но ведь нет на душе черных льдинок,
И я знаю, на свете, кляня
Наши встречи, души нет единой.
Не бывает теней без рассвета?
Как не так! Рыщут рядом огни,
Им в веках объяснения нету,
Но в секундах – как тени они.
Промелькнут, обдадут гарью смрада
И исчезнут в гнилушках опять.
Объяснений им нет. И не надо
Ничего в сути их объяснять.
Ни единой души, чтоб страдать
Заставлял я из далей грядущих,
Нет на свете, готов я отдать
За обиженных грешную душу.
Стоп! Я вспомнил одну. Я – убит!
Я убит своей собственной карой,
Как безумно я мог полюбить!
Что безумно забыл о пожаре?!
Ни к чему целый миг объяснений -
Тратить миг на такое вранье.
Рыщут тени? Но тень сожалений
Заслоняет бессмертье твое...
И становится мерзко, до дрожи,
От того так не ровно в судьбе.
Тень – двойник мерзопакостной рожи,
Погуби ж ее образ в себе!
Ничего не докажешь безумцу -
Его ложь все вокруг заслонит,
Лишь секунду он рядом, а солнце
В тот же миг затеняет зенит.
Стоп! Не надо, не надо, не надо!..
Не губи память прошлой любви.
Даже если не прав ты - не надо!
Вдруг все вновь повторится в яви!
Это трудно – оставить без сдачи,
Обнаружив и грех свой, и ложь.
В свою тень отойди - а иначе,
А иначе в тоске пропадешь.
Тень короче в зените рассвета,

День длинней, будто легче душе?
Без меня тени брутто иль нетто?
Жутко от объяснений уже...
Стоп! Не надо, не надо, не надо!..
Не губи память прошлой любви.
Даже если не прав ты - не надо!
Вдруг все вновь повторится в яви!
Вдруг все вновь повторится в яви!

Верните лунную дорогу

Ты шла вдоль лунной кромки леса,
Меня в язычество ведя,
Я долго рядом с чудом грелся,
Где деревья в дуплах гудят.
Верните лунную дорогу
К себе от истин, их понять -
Чтобы на землю понемногу
Собою мог слегка влиять.
Чтобы на землю понемногу
Собою мог слегка влиять.
Не Геростратом, храм поджегшим,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.